

СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Алиса ТОЛСТОКОРОВА

кандидат филологических наук, доцент, научный эксперт.
Международный независимый аналитический центр.
03067, Украина, Киев, до востребования;
e-mail: alicetol@yahoo.com

БЛАГО ИЛИ БРЕМЯ? ПАРАДОКСЫ И ЛОВУШКИ ЖЕНСКОЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЭМАНСИПАЦИИ

В статье прослеживается парадоксальный исторический процесс трансформации социокультурных благ, предоставленных процессом женской пространственной эмансипации во второй половине XIX – начале XX вв., в бремя обязанностей, зависимостей и ограничений современных постсоветских женщин, в частности украинских женщин-мигранток. На основании выделенных ранее двух основных исторических этапов данного процесса в работе анализируются сопровождающие его социально-исторические парадоксы и ловушки.

Ключевые слова: общество, гендер, женская пространственная эмансипация, миграция, самоидентификация, гендерная ловушка эмансипации, мобильность, приватное пространство, социальный статус, ценности

Сегодня женщина сталкивается с необходимостью эмансипироваться от эмансипации, если она хочет быть действительно свободной. Возможно, это звучит парадоксально, но тем не менее является правдой [29].

Введение

В премодерную эпоху физическое и социальное пространство женщины и мужчины строго сегрегировано на основании принципа гендерной бинарности. Женские гендерные роли оказываются за пределами сферы гражданственности, имеют низкую социальную ценность и не позволяют полноправного участия в процессе принятия решений и общественной деятельности. Доступ к публичной сфере для женщины, особенно привилегированного класса, жёстко ограничен, а сам факт нахождения за порогом дома означает физическую доступность. Её мобильность в публичном пространстве строго контролируется и регламентируется. Исключение допускается лишь для деклассированных «падших женщин», именованных публичными именно в силу своей относительной пространственной свободы.

Следствием гендерной пространственной сегрегации является многомерная зависимость женщины от мужчины (матримониальная, социальная, материальная, экономическая, психологическая), отсутствие у неё персональной автономии, общественного представительства и социального авторитета. Ограниченность личного экзистенциального пространства женщины сказывается на качестве её человеческого капитала и предопределяет качество новых поколений детей. Примером тому мусульманские страны, которые, попав в «гендерную ловушку» женской несвободы, вынуждены преодолевать цивилизационное отставание от Запада.

Модернизационные процессы XIX – начала XX вв., сопровождавшиеся индустриализацией и ускорением социального времени, разделением дома и работы и переформатированием приватного и публичного пространств, дали мощный импульс разрушению принципа гендерной бинарности, лежащего в основе разделения сфер частного и общественного. Новые исторические условия предоставили женщинам доступ к технологическим и транспортным инновациям, участию в рынке труда, общественной деятельности, культуре и спорте, самостоятельной географической мобильности. Этим были созданы условия для «пространственной эмансипации женщин» (далее ПЭЖ), под которой я понимаю расширение социально-пространственного контекста их жиз-

недеятельности в процессе исторического перемещения из приватной сферы в публичную как императива индустриализации и достижения пространственной свободы и права на автономную географическую мобильность [15].

Для ПЭЖ украинских женщин существенное значение имела академическая миграция в западноевропейские университеты во второй половине XIX – начале XX вв., способствовавшая модернизации их пространственных практик [19; 59]. В русле этих тенденций трансформировался телесно-физический имидж женщины, менялась философия её пространственного поведения, произошли кардинальные изменения самоидентификации и самооценки. На арену общественной жизни вышло поколение женщин «нового типа», отвергавших незыблемый постулат патриархального общества «место женщины – дома» и отвоёвывавших собственное место в публичном пространстве. Эту волну массовой независимой международной миграции украинских женщин я рассматриваю как *первый этап ПЭЖ* [20, с. 42].

Однако обретение права на свободу передвижения имело и обратную сторону, связанную с целым рядом парадоксальных последствий, поставивших женщин перед новыми проблемами и ограничениями. О них предупреждали ещё пионерки женского движения, такие как Ариадна Тыркова, указывавшая на опасность «искушения свободой» и необходимость учитывать, что «борьба современной, уже привыкшей к светлой струе знания женщины, её борьба за право на всю полноту человеческого существования есть не только борьба с несовершенством мужского строя жизни, но и с тем дьявольским наваждением внешней свободы, не опирающейся ни на какие внутренние ценности, которое внесено в женскую среду новыми формами жизни» ([22], цит. по: [1]). Стремление к независимости неизменно связано с появлением новых социальных вызовов, порой непрогнозируемых, ибо свобода – это и благо и бремя одновременно.

Парадоксальным образом, реалии капиталистической формации трансформировали обретение женщинами свободы в публичной сфере и ПЭЖ из безусловных достижений в новые формы зависимостей: эксплуатацию и сверхэксплуатацию на производстве; неравенство в оплате труда; «двойной», а для сельских женщин – даже «тройной» – рабочий день с соответствующими негативными последствиями для здоровья; пренебрежительное отношение к традиционной «женской работе»; сложности карьерного продвижения и сочетания работы с материнскими и семейными обязанностями; феминизацию бедности и женскую бездомность и т. д. Такие проявления «новой свободы» оказывают деструктивный эффект на безопасность и благополучие женщин.

Обретение украинками долгожданной возможности свободной международной мобильности, которой они были лишены при советском строе, также имело неоднозначные последствия, породив такие уродли-

вые явления, как торговля женщинами, принуждение их к трудовому и сексуальному рабству и т. д. Так, по данным Международной Организации Труда, для женщин, отправляющихся на заработки в одиночестве, без семьи, миграция несёт дополнительные угрозы, поскольку повышает их уязвимость к дискриминации, эксплуатации и злоупотреблениям [33].

Таким образом, ПЭЖ явилась, с одной стороны, механизмом расширения жизненного пространства женщины до максимального, охватывающего сегодня всю планету, а с другой стороны, достигнув своего апогея в форме феминизирующейся транснациональной миграции, она парадоксальным образом обернулась *гендерной ловушкой эмансипации*, т. к. превратилась в средство эксплуатации и многомерной дискриминации и трансформировалась из блага в бремя, из эмансипации в «псевдоэмансипацию» [27].

Волну массовой независимой внешней миграции украинских женщин, начавшуюся после распада СССР, я рассматриваю как *второй этап ПЭЖ* в новых социально-политических условиях и в более широком масштабе [20, с. 126]. Охватывая исторически новейшее поколение постсоветских женщин-мигранток (см. подробнее [16]), оно принципиально отличается от первого этапа не только историческим контекстом, генерационными особенностями, побудительными мотивами и условиями повседневной жизни, но и социальными последствиями для самих женщин, института семьи и всего общества.

Будучи новым историческим феноменом, этот процесс ещё не только не осмыслен и не проанализирован, но фактически мало осознан обществом. Недостаточно концептуализированным остаётся процесс преемственности между двумя этапами ПЭЖ. Поэтому его проблематизация является сегодня *актуальной научной задачей*. Это объясняет *научную новизну и теоретическую значимость* изучения гендерных импликаций реализации женщинами их права на географическую мобильность и пространственную свободу в разных исторических условиях.

Данная работа преследует *цель* проблематизировать и теоретически осмыслить парадоксальный исторический процесс трансформации социокультурных благ, предоставленных процессом ПЭЖ во второй половине XIX – начале XX вв., в бремя обязанностей, зависимостей и ограничений современных постсоветских женщин, в частности украинских женщин-мигранток.

Исследование выполнено в рамках многоэтапного трансдисциплинарного проекта, посвящённого гендерным аспектам международной миграции и пространственной мобильности украинских женщин, рассматриваемой как в исторической ретроспективе, так и с точки зрения её современных реалий.

Парадоксы женской пространственной эмансипации и международной мобильности

ПЭЖ второй половины XIX – начала XX века была очевидным достижением и эмансипационным проектом, позволившим поколению «новых матерей» интегрироваться в общественную сферу и воспользоваться уникальными новыми возможностями для самореализации в сфере интеллектуальной, творческой и политической деятельности. Это поколение матерей дало новое поколение детей – покорителей космоса и атомного ядра.

Однако всего лишь век спустя завоёванное с огромным трудом право на экономическую независимость обернулось для многих постсоветских женщин бременем полной финансовой ответственности за обеспечение семьи, а право на географическую мобильность мутировало в горькую необходимость поиска средств существования на чужбине. Для этого многие женщины были вынуждены *оставить обезцененные позиции в публичном пространстве* интеллектуальных профессий на родине и *вернуться в приватное пространство*, но уже на чужбине, в домах своих зарубежных работодателей в статусе бесправных служанок. Таким образом, многие постсоветские женщины превратились в вынужденных узниц приватного пространства, откуда с таким трудом вырвались более столетия назад их бабушки. Это обернулось для них множеством новых парадоксальных последствий.

Кроме того, за истекшее столетие принципиально изменилось состояние самого публичного пространства, за доступ к которому боролись несколько поколений женщин. В современном информационном обществе, техногенные угрозы которого не только многочисленны и разнообразны, но и непредсказуемы, публичное пространство инфицировано духовно и физически, и пребывание в нём начинает представлять экзистенциальную угрозу. Женщины это понимают. Так, одна информантка данного проекта сказала по этому поводу: «Мама мне так говорила: *“Запомни! Безопасность тебе гарантирована только дома. Как только ты переступаешь порог родного дома, начинается вражеская территория. Там на каждом шагу тебя подстерегает опасность. Там ты всегда должна быть начеку”*».

В то же время «атомизация поведения людей в публичной сфере, примитивизация организации общественной жизни, её деградация» [26, с. 130], т. е. превращение публичного пространства в зону повышенного риска, приводит к тому, что, по словам Ирен Тьерри [56, р. 150], современный гиперлиберальный индивид начинает предпочитать состояние семьянина, исключающего общественное пространство из сферы доверия и ограничивающего её локус рамками семьи и приватности. Таким образом, ПЭЖ связана с рядом парадоксов, под которыми я понимаю

явления дуалистического характера, содержащие в себе внутренние логические противоречия, которые *не имеют объяснения в рамках общепринятого мировоззрения*. Основные из них перечислены ниже.

Парадокс 1. Тройной проигрыш как путь к «тройной выгоде»

В программных документах транснациональных организаций, таких, например, как Всемирный банк [64], эффект международной трудовой миграция представлен как «тройной выигрыш», т. е. беспроигрышный вариант для отсылающих и принимающих стран и для самих мигрантов. Если принять справедливость этого тезиса за исходную посылку рассуждений, то она неизбежно ведёт к парадоксальным выводам.

В частности, если женская миграция является беспроигрышным вариантом, то этот процесс следует всемерно поддерживать с целью максимизации и использования связанных с ним социально-экономических преимуществ. Для этого необходимо поддерживать и усиливать причины, вызывающие миграцию. В указанном докладе Всемирного Банка признаётся, что основными из них являются бедность и безработица, отсутствие финансовой и материальной безопасности в странах исхода миграции. Соответственно, согласно логике тезиса о «тройной выгоде» для благоприятствования «беспроигрышной» женской международной миграции необходимо способствовать феминизации бедности на периферии мировой капсистемы, выталкивающей женщин бедных стран на поиски лучшей жизни в страны «золотого миллиарда», и этим обеспечить выход на рынок труда женщинам самих этих стран. По сути это сегодня и происходит, и в этом заключается парадоксальная логика указанного тезиса. Получается, что для стимулирования миграционной активности населения, якобы ведущей ко всеобщему благополучию, следует усиливать бедность и безработицу как выталкивающие факторы миграции, поскольку при их отсутствии миграционная активность резко снижается. Этот вывод противоречит как здравому смыслу, так и принципам морали.

Парадоксальность этого тезиса очевидна в свете статистики о смертности среди населения, мигрирующего в поисках «лучшей жизни». Так, за период 1988–2015 гг., лишь среди тех, кто пытались достичь Европы через Средиземное море, погибли 18403 человека, не считая тех, чьи тела не были обнаружены, а имена не попали в статистические отчеты Европейской юрисдикции [28]. Только за первые три месяца 2015 г. количество погибших в этом регионе мигрантов составило 1750 человек, что в 30 раз больше, чем за этот же период предыдущего года [35].

Парадокс 2. Дом как место трудоустройства для женщин: «из огня – да в полымя»

Парадоксально, что, отправляясь на заработки за рубеж и перемещаясь из частного пространства на родине – привычного, хорошо освоенного габитуса собственного дома и семьи, где женщины являются хозяйками, в незнакомое, полное рисков и опасностей публичное пространство чужбины, украинки-мигрантки чаще всего устраиваются на работу домработницами, снова оказываясь заложницами частного пространства – но уже чужой семьи и чужой культуры, на правах бесправной прислуги. Парадокс заключается в том, что в этих условиях «дом» становится для них работой, которая даже не воспринимается как «труд» и «работа» как таковые [47, р. 16], работа же становится домом, приобретающим символическое значение публичного пространства, связанного со множеством социокультурных вызовов, с которыми мигранткам-домработницам не приходится сталкиваться в частном пространстве родного дома. Таким образом, их миграционная траектория следует пословице «из огня – да в полымя».

Парадокс 3. Социальная исключённость в сердце зарубежной семьи: ангел-хранитель или козёл отпущения?

Как было указано выше, в отличие от украинских мужчин, которые за рубежом работают преимущественно на строительстве и проживают в социально исключённых мигрантских анклавах, женщины, как правило, трудоустраиваются в качестве домработниц. Парадоксально то, что, работая в самом сердце иностранной семьи в качестве хранительниц её «очага», заботливых воспитательниц детей и сиделок за стариками, т. е. имея доступ к «святой святых» любого общества – его интимной сфере и являясь «примирительницами противоречия между домом и работой для их работодателей» [30], украинские «берегини» не чувствуют себя интегрированными в принимающее общество [12]. В этом контексте неудивительно, что, например, украинские домработницы в Италии всё свободное время проводят преимущественно со своими землячками, составляя своего рода закрытый «кластер» социальных сетей [11].

Домработницы живут под бдительным наблюдением своих работодателей и особенно подвержены угрозам миграционных рисков, возрастающих в условиях, когда вызовы миграции дополняются необходимостью соединять нечёткие роли гостыи, фиктивного члена семьи, работницы и служанки [52]. Работая в домах своих хозяев в качестве «невидимых» служанок, они оказываются в незавидном положении «вечных аутсайдеров» [55], исключённых из сферы социальных взаимоотноше-

ний. Но именно это состояние социальной исключённости гостевых работников как проявление крайней формы социальной стратификации [57] в сочетании с «ярлыком мигранта» провоцирует аттитудный негативизм и усугубляет напряжённость во взаимоотношениях между местными жителями и гастарбайтерами (см. [21]). Одна домработница, информантка данного проекта, определила свой статус так: *«Они хотят ангела-хранителя для ребёнка и одновременно козла отпущения, чтобы вымещать свои эмоции».*

Парадокс 4. Повышение социального статуса в результате дауншифтинга: вверх по лестнице, ведущей вниз

В контексте миграции географическое расположение трансформируется в социальное положение [39, р. 610]. Об этом свидетельствует феномен «обратной классовой мобильности» [43, р. 150], наблюдающийся среди постсоветских мигранток, занятых в домашнем платном сервисе за рубежом. Он заключается в одновременном повышении их финансового статуса благодаря географической мобильности и понижении социального статуса в результате работы в низкостатусных видах занятости. Эта тенденция свойственна независимой женской миграции в целом [34]. Таким образом получается, что с трудом завоёванное прародительницами постсоветских мигранток право на высшее образование, заработанные женщинами квалификации и дипломы, профессиональный опыт нивелируется за границей до «ценности туалетной бумаги» [3, с. 17]. Однако, как ни парадоксально, но именно этот зарубежный «дауншифтинг» обеспечивает доходы для поддержания уровня и качества жизни среднего класса на родине, что позволяет женщинам по приезде повысить свой социальный статус.

Парадокс 5. Противоречивый эффект «глобализации материнства»

Трагизм положения мигранток заключается в том, что, исполняя в приватном пространстве принимающего общества свою исконную «нормализационную функцию» [49, р. 3] и предоставляя «эмоциональный труд любви» чужим детям и семьям, женщины практически лишены возможности исполнять её в собственных семьях в силу больших географических расстояний. Несмотря на все усилия проявлять заботу о своих близких в сложных условиях трансграничных семейных отношений посредством дорогостоящих информационно-компьютерных технологий, результатом отсутствия мигранток в родном доме нередко

становятся разрушенные родственные и супружеские узы, социальное сиротство детей, одинокая старость пожилых родителей, неустроенность и неверность мужей, эмоциональное неблагополучие транснациональных семей и сложности в исполнении ими своих основных социальных функций (см. [17]).

Парадоксально то, что и мигрантки, и их работодательницы в поисках более высоких заработков для обеспечения своих детей получают меньше возможностей для предоставления им материнского внимания и ухода [38] и вынуждены «покупать» любовь и заботу для своего потомства, тратя на это значительную часть дохода. При этом для украинских мигранток попытки обеспечить детям лучшее будущее нередко приводят к их утрате как в прямом, так и в переносном смысле.

Парадокс 6. Оспаривание одного мифа укрепляет другой

Ракель Парренас [44] обращает внимание на такой парадокс: оспаривая миф о мужчине как кормильце и добытчике, мигрантки укрепляют миф о женщине как домохозяйке. Сочетая ответственность за финансовое и материальное обеспечение семьи с обязанностями по воспитанию детей, осуществляемыми через государственные границы, женщины прибегают к тактике «интенсивного материнства» [31], уделяя своим детям максимум любви, заботы и внимания с помощью современных ИКТ¹, чтобы компенсировать физическое отсутствие в семье. Как указывают социологи, это способствует закреплению эксплуататорской природы разделения труда в их домохозяйствах [32] и препятствует перераспределению гендерных ролевых моделей, вызванному бóльшим финансовым вкладом женщин в семейный бюджет благодаря миграции. Это также создаёт дополнительные вызовы в поддержании интимных трансграничных отношений мигранток с семьями и детьми. Таким образом, «трансграничная забота» парадоксальным образом способствует усилению традиционных гендерных норм [45], порождая другой парадокс – негативное сальдо женской миграции.

Парадокс 7. Негативное гендерное сальдо миграции

Проведённое мной ранее исследование свидетельствует о прогрессивных изменениях гендерного менталитета и «дивидендах гендерного равенства», зарабатываемых женщинами в принимающих странах [18]. Погружение в социальное пространство обществ с более демократичной гендерной культурой, обретение экономической независимости и

¹ Информационно-коммуникативные технологии.

осознание властной позиции в семье приводит к прогрессивным изменениям в восприятии мигрантками своей социальной роли и статуса, повышает индивидуальные гендерные стандарты. Такие трансформации личности отмечаются даже у женщин, работающих в «традиционалистских» принимающих обществах, например в России, поскольку мигрантки обычно имеют более высокие доходы, чем их оставшиеся дома мужья. Это ускоряет прогрессивные изменения в гендерных отношениях, стимулирует распространение современных установок и ценностей, способствует отходу от патриархальных укладов, демонстрируя влияние трудовой миграции на модификацию гендерных режимов на постсоветском пространстве [23].

Парадоксально, что по возвращении мигранток домой эти прогрессивные гендерные трансформации не только не приводят к формированию эгалитарных семейных отношений, но нередко преломляются в «негативное гендерное сальдо» [58], т. к. зарубежный опыт женщин и изменения их гендерных ролей вступают в конфликт с традиционной средой, чуждой их новым гендерным стандартам и воспринимающей новые роли женщин как «культурную агрессию». Это нередко ведёт к отсутствию взаимопонимания с окружающими и социальному исключению.

Таким образом, хотя миграционный опыт может оказывать благотворный эффект на женщин и открывать новые возможности для освобождения от патриархальных гендерных норм, в то же время он может вести к новым видам зависимостей и даже усиливать существующие гендерные барьеры и иерархии [41]. Это противоречит мнению, что трудовая миграция предоставляет женщинам возможности для эмансипации, якобы позволяя «избежать влияния традиционной, патриархальной власти и обрести больше возможностей, самостоятельно распоряжаться собственной жизнью» [60, р. III]. Для украинских мигранток трудовая миграция скорее имеет эффект «утраты позиций» [46] и «гендерной ловушки».

Следует отметить отличие эффекта миграции на женщин, которые сами едут за заработки, и на оставшихся дома жён мужчин-мигрантов. В последнем случае, который особенно характерен для мусульманских государств Азии и Африки, статус женщины в семье по возвращении мужа домой может возрасти, если она смогла продемонстрировать самостоятельность и умение вести хозяйство самостоятельно, без участия супруга [10], может остаться неизменным, но может и понизиться, т. к. её статус «оставленной жены» может усилить давление традиционных гендерных норм [36].

В украинской транснациональной семье завершение женщиной миграционного цикла, даже в условиях его успешности, отнюдь не означает повышения её семейного статуса или усиления властной позиции. Напротив, нередко женщины утрачивают свой домиграцион-

ный статус, поскольку независимый образ жизни мигранток за рубежом в общественном сознании может ассоциироваться с нарушениями семейной морали и рассматриваться как вызов патриархальному гендерному порядку.

Парадокс 8. Двойное бремя вместо гендерной эгалитарности

Парадоксом является то, что деньги, заработанные за рубежом, по логике должны предоставлять мигранткам большую степень экономической свободы и независимости, но в реальности не обеспечивают большую степень финансовой гендерной эгалитарности в их семьях. Работа за рубежом увеличивает двойную нагрузку «материнства на расстоянии», но редко приводит к финансовой независимости, поскольку, принимая на себя роли кормилиц семьи, женщины налагают на себя большую, если не всю, степень ответственности за детей и тех, кто их опекает во время отсутствия матерей. Мужья мигранток зачастую пользуются этим, перекадывая на жён все обязанности по содержанию семьи. Некоторые перестают работать и живут на деньги, присылаемые супругами из-за рубежа, либо продолжают работать, но перестают вкладывать свою долю в семейный бюджет, тратя заработанное исключительно на себя [61].

Нередко мигрантки попадают в финансовую зависимость от своих мужей, которые шантажируют жён, требуя от них выкуп за разрешение увезти ребёнка за рубеж, за согласие на отказ от родительских прав или на развод, хотя сами давно имеют другие семьи, иногда содержащиеся на средства мигранток (см. [52]). Так мужчины зарабатывают на женской миграции свои *мужские гендерные дивиденды*.

Парадокс 9. Прессинг пространственной свободы как путь к парандже

Посредством интеграции женщин в публичное пространство и рынок труда ПЭЖ преопределила гендерную демократизацию их телесно-физического имиджа и модернизацию женской моды. Образно говоря, она поставила вопрос о «новом платье королевы» – более простом, удобном и функциональном, согласно новым ролям женщины-труженицы в обществе [20].

Однако, как свидетельствует практика, трансформации облика работающей женщины парадоксальным образом привели к некоторым весьма неожиданным побочным эффектам, которые не способствовали ни «женскому эмпауэрменту», ни укреплению статуса женщины в об-

шестве, ни повышению значимости «женского» в культуре. Они обернулись либо *регендеризацией* женского образа в виде его маскулинизации, либо его «дегендеризацией» [50] посредством унисексизации моды, либо же, напротив, сексуализацией и гиперфеминизацией, подстёгиваемыми массовой модой, давлением медийных стандартов и распространением психологии потребительства. В конечном счёте это чревато утратой женским полом эстетического своеобразия гендерного имиджа и его десакрализацией, вульгаризацией и обесцениванием.

В свою очередь, эти деструктивные для женской личности процессы также имеют парадоксальные последствия. Например, в молодежной среде обеспеченных западных стран с высоким уровнем гендерной эгалитарности наблюдается стихийное сопротивление указанным трендам посредством отказа от западных ценностей в пользу восточного религиозного догматизма. Например, среди молодых европейек и американок, включая высокообразованных, сегодня можно встретить женщин в парандже, что вызвано популярностью обращения в ислам среди женской молодёжи [40; 48; 53; 62].

Одним из аргументов этих женщин в пользу такого выбора является усталость от давления стандартов массовой культуры западного общества и вызванного ей «потогонного потребления». Это согласуется с мнением Елены Пономарёвой, которая отмечает, что сегодня в исламе многие люди пытаются найти ответы на вопросы, которые они не находят в современной западной демократии [13]. Хотя в данной тенденции нередко усматривают угрозу демократии, она лишь служит зеркалом, отражающим противоречия, расхождения и недосказанности, на которых зиждется современное секулярное западное общество [42].

Парадоксом является то, что с точки зрения этих «новых мусульманок» именно патриархальный и рестриктивный по отношению к женщине уклад ислама гарантирует им женские права и свободы и предоставляет условия для эмансипации, отсутствующие в современном западном обществе, обеспечивая этим своеобразные «зоны свободы» для реализации женской личности [53], к которым женщины относят отсутствие прессинга к уподоблению мужчине посредством полной занятости и эксплуатации на рынке труда; возможность благодаря строгому мусульманскому дресс-коду сохранить свою женскую идентичность, не будучи рабыней коммерциализации телесности и моды; уважение к социальной репродукции и материнству как «женской работе»; благоприятные условия для реализации жизненных установок на семью и детей; коммунитарный характер социальных взаимоотношений и высокую межличностную коннективность в культуре мусульманской семьи и т. д. Они считают, что этим им обеспечивается «независимость под прикрытием» [6].

Ещё более парадоксально то, что, прекрасно осознавая высокую степень несвобод и ограничений, накладываемых на женщину исламской традицией, новообращённые западные мусульманки пытаются пе-

реосмысливать их именно с точки зрения гендерных преимуществ для женщин, которыми они сопровождаются. Интересно, что эта тенденция наблюдается и среди православных женщин среднего класса в современной России, у которых в качестве аргументов в пользу принятия ислама, даже в статусе вторых жён, также присутствуют (хотя не доминируют) указанные выше факторы [5; 51].

Выводы

Сегодня, когда человечество переживает небывалый по своим масштабам многомерный цивилизационный кризис, колоссальный информационный взрыв, смену технологического базиса и переход общества в некое качественно новое состояние, отмечается и экспоненциальное возрастание количества людей, задумывающихся об абстрактных проблемах, не связанных с их текущим выживанием [2], размышляющих над хайдеггеровским вопросом о смысле и метасмыслах бытия. Это вызывает «ценностный взрыв в смыслообразовании» [8], благодаря которому становится очевидным, что «все модели улучшения будущего, испробованные человечеством к началу XXI в., оказались дефектными» [4, с. 94]. Ни одна из 8 глобальных целей развития тысячелетия, намеченных на 2015 г., не была достигнута. Ни преобладающие научные школы, ни политики, ни лидеры бизнеса не сумели поставить обоснованный диагноз кризисного состояния современного общества и выработать эффективную долгосрочную стратегию его преодоления, выхода на траекторию глобального устойчивого развития. Не смогли выработать такую стратегию ни «Группа 8», ни «Группа 20», ни Конференция ООН по устойчивому развитию РИО+20 [9, с. 11].

Естественно, что всё больше людей задаются вопросом: почему? Почему, когда человечество оказывается в исторической точке бифуркации, предоставляющей возможность изменения будущего к лучшему, оно упорно выбирает худший вариант? В чём причина парадоксов современной эпохи, засвидетельствовавшей, что социально-экономическое процветание общества потребления сопровождается не достижением всеобщего счастья, а духовной деградацией «человека одномерного» [7], десакрализацией и секуляризацией сознания и образа жизни, беспрецедентной люмпенизацией и ростом преступности во всём мире? Почему результатом научно-технологического прогресса становится не совершенствование человеческой природы, а дегуманизация культуры, деградация природы и гекатомбы жертв военных конфликтов, наиболее разрушительных за всю известную историю человечества, и в конечном итоге – антропологический кризис? Почему то, что изначально несёт благо для многих поколений, за исторически мизерный срок превращается в бремя или даже в порок? Почему такие недавние изобретения

человечества, как телевидение и интернет, молниеносно трансмутировали из уникальных инструментов познания и самосовершенствования в средства развращения и растления? Почему ПЭЖ менее чем за столетие трансформировалась из средства освобождения женщин – в бремя двойной нагрузки семейных и производственных обязанностей и необходимость зарабатывать на жизнь подёнщиной на чужбине?

Будучи по своим убеждениям «марксо-скептиком», я тем не менее нахожу ответ на вопрос «почему?» в самой природе капитализма, рассматривающего человека не как самоценную личность и наместника Бога на Земле, выполняющего сакральные и метафизические функции, а лишь как средство обогащения и достижения корыстных интересов эксплуататорским классом – узкой группой лиц, так называемых «хозяев мировой игры» в лице глобальных монополий, деградация которых по мнению многих экспертов является основной причиной нынешнего многомерного цивилизационного кризиса [2]. Это неудивительно, учитывая мнение, что «неких «прогрессивных сил», «сил добра», в капиталистической системе не может быть по определению [24].

Что же касается парадоксов ПЭЖ, то представляется, что они обусловлены прежде всего обесцениванием глобальным капитализмом социальной репродукции как традиционно женского труда, направленного на воспроизводство человеческого капитала. В марксистской теории центральное место занимает понятие продуктивный труд, т. е. труд, производящий стоимости, которыми можно обмениваться на рынке. Репродуктивный труд, выполняемый преимущественно женщинами и направленный на воспроизводство рабочей силы, своим результатом прибавочной стоимости не имеет, а следовательно, с марксистской точки зрения трудом не является.

Другой причиной является то, что в ПЭЖ и перемещении женщин из приватной сферы в публичную были заинтересованы не только они сами как гендерная составляющая общества. Прежде всего это было выгодно классу капиталистов в силу большей дешевизны и более высокой эксплуатированности женского труда. В результате произошло кратковременное совпадение экзистенциальных потребностей и интересов разных акторов исторического процесса: с одной стороны – женщин среднего класса как социокультурной группы, с другой стороны – финансово-промышленного капитала и с третьей – индустриального общества как социально-исторической формации.

Женщины испытывали потребность в расширении своего жизненного пространства путем перемещения в публичную сферу, поскольку это предоставляло более широкие возможности для реализации потенциала женской личности, в первую очередь для получения доступа к высшему образованию, интеллектуальным профессиям и обретению финансово-экономической независимости. Капитал был заинтересован в удешевлении производства путём привлечения низкооплачиваемой, социально

незащищённой и высокоэксплуатируемой женской рабочей силы. Индустриальному обществу требовалось повышение человеческого капитала своих граждан посредством формирования поколения образованных матерей, а также для формирования рынка машинного труда за счёт мобильных и образованных женских рабочих кадров, более дисциплинированных, чем мужские. Представляется, что это историческое совпадение и обеспечило возможность для эпохального реформирования дихотомии «приватное vs публичное пространство» посредством феномена ПЭЖ, отвечавшего потребностям всех трёх заинтересованных сторон.

Однако это совпадение было лишь кратковременным, т. к. интересы женщин имманентно противоречили потребностям капитала и индустриализма. Для первых пространственное раскрепощение было условием эмансипации личности, что не соответствовало интересам двух других протагонистов, заинтересованных в максимальном социальном контроле общественного и производственного процесса. В эпоху государственного социализма это противоречие существовало, но не имело антагонистического характера, т. к. после утраты власти капиталом и формальной ликвидации эксплуатации и частной собственности интересы индустриального общества и коллективные интересы женщин во многом, хотя не полностью, совпали: оба актора были заинтересованы в повышении качества человеческого капитала женщин посредством доступа к университетскому образованию и участия в общественном производстве.

Но вскоре после падения Берлинской стены капитал вернул утраченные позиции и привёл в движение огромные массы женщин. Процесс их пространственной экстерииоризации, прерванный государственным социализмом, возобновился. Начался *второй этап* ПЭЖ в форме самостоятельной международной трудовой миграции, имевшей принципиально отличные от первого этапа цели и другие, зачастую трагические, причины и последствия для самих женщин, их семей и всего общества.

Несмотря на эти принципиальные различия, общим для обоих этапов было то, что пространственно-географическая свобода женщин всякий раз попадала в «гендерную ловушку», т. к. становилась объектом эксплуатации. Это сопровождалось обесцениванием репродуктивного труда как традиционно женской сферы деятельности, поскольку общепризнано, что повышенная географическая мобильность подрывает устои семейной жизни. Например, результаты проекта Евросоюза, изучавшего влияние возрастающей трудовой мобильности на семейную жизнь европейцев, показали, что мобильность может снижать уровень фертильности и препятствует успешному развитию семьи и исполнению родительских функций, особенно женщинами [37].

Кроме того, исследования показывают, что повышение участия женщин в рынке труда, требующее их пространственной свободы и мобильности, ведёт к «кризису домашнего производства», который прояв-

ляется не только в снижении уровня брачности и рождаемости, но и в кризисе заботы в домашней сфере [54, p. 1152]. Это негативно сказывается на отношении к географически мобильной работающей женщине в обществе, так как вина за «дефицит заботы» в семье возлагается на неё. При этом сами женщины испытывают «чувство родительской вины» [63] перед детьми за то, что не могут дать им максимум заботы и любви по причине частых отлучек из дома.

Между тем сегодня созрели условия для преодоления этих «гендерных ловушек». И первое, что нужно сделать, чтобы выбраться из них, как и из любой ловушки, это обнаружить выход [14]. Представляется, что он обеспечивается спецификой постиндустриального общества как общества услуг, т. е. преимущественно женского труда², предоставляющего шанс для женщин, в частности, в плане поднятия престижа социальной репродукции как «триционной женской работы», от которого зависит физическое, духовное и социальное здоровье новых поколений.

Также условия для выхода из «гендерных ловушек» создаются благодаря преимуществам информационного общества, таким как современные высокие информационно-коммуникационные технологии, цифровой труд и телеработа. Они предоставляют работницам возможности для перемещения в сферу частного пространства при полной интегрированности в публичное в глобальном масштабе и сохранении финансовой независимости, а следовательно, – для более успешного сочетания семейных обязанностей и профессиональной самореализации, производственной автономии и пластичного, но гармоничного стиля частной жизни.

Географическая мобильность женщин приобретает ценность блага и перестаёт быть бременем только тогда, когда она не является объектом эксплуатации и используется для целей развития женской личности, расширения кругозора и горизонтов познания как её самой, так и её детей. Для этого общество должно совершить «Великий Отказ», как советовал Герберт Маркузе [7], изменив направление своих потребностей от их эксплуататорской природы в сторону гармонизации общественных отношений. Также ему необходимо осознать, что современная фаза его развития является *эпохой женщины*. Исходя из этого, следует выстраивать стратегии общественного развития на основе таких качеств, которые традиционно считаются «женскими», «феминными», – **коллегиальность и кооперативность, забота о ближнем и «эмоциональный труд любви».**

---

² Специалисты отмечают, что соотношение мужчин и женщин в основном и обслуживающем секторах экономики традиционно является практически «зеркальным»: в основном производстве, как правило, занято 70–80 % мужчин, а в обслуживающем труде – наоборот, заняты преимущественно женщины [25].

Список литературы

1. Ажгихина Н. Уроки Ариадны Тырковой // Altapress. 18.02.2012. [Электронный ресурс] URL: <http://altapress.ru/story/806022> (дата обращения: 18.02.2017).
2. Деягин М. Чего мы не знаем? // Свободная мысль. 2015. № 1. С. 37–50.
3. Зурабишвили Т. Психологическая цена миграции женщин из грузинского посёлка Даба Тианети // Диаспоры. 2012. № 2. С. 6–24.
4. Крымский С. К философии семьи // Семья в постатеистических обществах / Сост. К. Сигов. К.: Дух і літера, 2002. С. 94–97.
5. Левендаль Л., Растворцев Д. Вас много, я один // Esquire. [Электронный ресурс] URL: <http://esquire.ru/polygamy-112?rambler=1> (дата обращения: 21.07.2015).
6. Майборода Н. Независимость под прикрытием // Вокруг света (украинское издание). 2017. № 3 (2918). С. 29–37.
7. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 526 с.
8. Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. М.: Аргмак-медиа, 2013. С. 367–369.
9. Научные основы стратегии преодоления цивилизационного кризиса и выхода на траекторию глобального устойчивого развития: Доклад международного коллектива ученых к Саммиту «Группы 20» / Ред. Ю.В. Яковец. М.: МИСК, 2013. 208 с.
10. Олимова С. Таджикистан: роль и статус женщин в домохозяйствах мигрантов // Диаспоры. 2012. № 2. С. 86–123.
11. Перотто М. Мигранты из постсоветских стран в Италии (результаты эмпирического социологического исследования) // Диаспоры. 2010. № 1. С. 83–100.
12. Пономарева О. Новітні форми української жертвовності // Українське слово. [Электронный ресурс] URL: <http://ukrslovo.org.ua/ukrayina/suspilstvo/novitni-formy-ukrayinskoyi-zhertovnosti.html> (дата обращения: 23.12.2011).
13. Презентация книг Андрея Фурсова, Елены Пономаревой и Дмитрия Перетолчина // Библио-Глобус. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8ShNHV5HnRw> (дата обращения: 13.06.2015).
14. Райх В. Ловушка, в которой оказался человек / Пер. с англ. В. Кулагинной-Ярцевой // Философская антропология. 2016. Т. 2. № 2. С. 114–132.
15. Толстокорова А. Пространственная эмансипация украинских женщин как способ освоения публичного пространства // Культура и искусство. 2012. № 5 (11). С. 46–58.
16. Толстокорова А. Унесённые ветром. Постсоветское поколение украинских женщин-мигранток // Лабиринт. 2013. № 2. С. 28–44. [Электронный ресурс] URL: journal-labirint.com/wp-content/uploads/2013/05/tolstokorova.pdf (дата обращения: 28.10.2017).
17. Толстокорова А. Украинская транснациональная семья как модернизированная модель семейных отношений: панацея, яд или плацебо? // Социологический журнал. 2013. № 2. С. 43–64.

18. Толстокорова А. «Лучи света в темном царстве»: социальные дивиденды мигрантов в гендерной перспективе // Этнографическое обозрение. 2013. № 5. С. 140–153.
19. Толстокорова А. На грани миров: вклад украинских образованных женщин в обмен знаний между Западной и Восточной Европой // Метаморфозы истории. 2014. № 5. С. 97–110.
20. Толстокорова А. От частного к публичному: женская пространственная эмансипация в культуре и литературе эпохи модерна (конец XIX – начало XX веков). Saarbrücken: Lambert Academic Publisher RU, 2016. 128 с.
21. Толстокорова А. Украинские «золотые рыбки»: стратегии сопротивления неравенству и доминированию во взаимоотношениях мигранток-домработниц и их работодателей // ИНТЕР: интеракция, интервью, интерпретация. 2016. № 11. С. 44–60.
22. Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. 2-е изд. / Послесл. Б. Филиппова. London: Overseas Publications Interchange, 1990. P. 388–415. (Цит. по: Ажгихина Н. Уроки Ариадны Тырковой // Altapress, 18.02.2012. [Электронный ресурс] URL: <http://altapress.ru/story/80602> (дата обращения: 14.10.2017).
23. Тюрюканова Е.В., Карачурина Л.Б., Флоринская Ю.Ф. Женщины-мигранты из стран СНГ в России / Под ред. Е.В. Тюрюкановой. М.: Макс Пресс, 2011. 119 с.
24. Фурсов А. Почему победил Трамп и что это значит для России // Телеканал «Царьград». 09.11.2016. [Электронный ресурс] URL: <http://tsargrad.tv/article/2016/11/09/andrej-fursov-pobeda-trampa-porazhenie-globalnyh-banksterov-s-bolshoj-finansovoj-dorogi> (дата обращения: 17.04.2017).
25. Хоткина З. Женщины и кризис – невидимая проблема // Рабкор. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rabkor.ru/debate/4735.html> (дата обращения: 18.01.2010).
26. Шульга Н., Шульга М. Дрейф на обочину: Двадцать лет общественных изменений в Украине. Киев: ООО «Друкарня Бізнесполіграф», 2011. 448 с.
27. Abadan-Unat N. Implications of Migration on Emancipation and Pseudo-Emancipation of Turkish Women // International Migration Review. 1997. Vol. 11, issue 1. P. 31–57.
28. Fargues Ph., Di Bartolomeo A. Drowned Europe // Migration Policy Centre, 2015. [Electronic resource] URL: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/35557/MPC_2015_05_PB.pdf?sequence=1 (дата обращения: 18.12.2016).
29. Goldman E. The Tragedy of Woman's Emancipation // Goldman E. *Anarchism and Other Essays*. N.Y.; London: Mother Earth Publishing Association, 1911. P. 219–231.
30. Gregoriou Z. Gendering Migration and Integration Policy Frames: Female Migrant Domestic Workers as “precarious workers” and as “reconciliators” // Integration of Female Migrant Domestic Workers: Strategies for Employment and Civic Participation. Nicosia: University of Nicosia Press, MIGS, 2008. P. 11–30.
31. Hays Sh. The Cultural Contradictions of Motherhood. New Haven, CT: Yale University Press, 1996. 288 pp.
32. Hondagneu-Sotelo P., Messner M. Gender Displays and Men's Power: the “New Man” and the Mexican Immigrant Man // Theorizing Masculinities / Eds. Th. Oak, H. Brod, M. Kaufman. California: Sage Publications, 2000. P. 200–218.

33. ILO. *An information guide on preventing discrimination, exploitation and abuse of women migrant workers*. Geneva: International Labour Office, 2003.
34. IOM. *Crushed hopes: Underemployment and deskilling among skilled migrant women*. Geneva: International Organization for Migration, 2012.
35. Larson N. Mediterranean migrant deaths soar 'exponentially': IOM // UNHCR. The UN Refugee Agency, 21.04.2015. [Electronic resource] URL: <http://www.unhcr.org/cgi-bin/texis/vtx/refdaily?pass=52fc6fbd5&id=553731b85> (дата обращения: 30.03.2016).
36. Lenoël A. The "three ages" of left-behind Moroccan wives: Status, decision-making power, and access to resources // *Population, Space and Place*. 2017. Vol. 23, issue 5. [Electronic resource] URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/wol1/doi/10.1002/psp.2077/full> (дата обращения: 24.03.2017).
37. Lük D. Research note: job mobilities and family lives in Europe // *Cosmobilities Newsletter*. 2009. Vol. 4, issue 1. P. 2.
38. Maher J.M. Reproduction and care // *The Globalization of Motherhood: Deconstructions and reconstructions of biology and care* / Eds. W. Chavkin, J.M. Maher. Abington, N.Y.: Routledge, 2010. P. 16–30.
39. Mahler S. Transnational Relationships: The Struggle to Communicate Across Borders // *Identities*. 2001. Vol. 7, issue 4. P. 583–619.
40. McGinty A.M. *Becoming Muslim: Western Women's Conversions to Islam*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2006.
41. Morokvasic M. Migration, Gender, Empowerment // *Gender Orders Unbound. Globalisation, Restructuring and Reciprocity* / Eds I. Lenz, Ch. Ullrich, B. Fersch. Opladen, Farmington Hills: Barbara Budrich Publishers, 2007. P. 69–97.
42. Mossiere G. The intimate and the stranger: Approaching the "Muslim question" through the eyes of female converts to Islam // *Critical Research on Religion*. 2016. Vol. 4, issue 1. P. 90–108.
43. Parreñas R.S. *Servants of Globalization: Women, Migration, and Domestic Work*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2001.
44. Parreñas R.S. *Children of Global Migration: Transnational Families and Gendered Woes*. Stanford: Stanford University Press, 2005. 224 pp.
45. Parreñas R.S. Long Distance Intimacy: Class, Gender and Intergenerational Relations Between Mothers and Children in Filipino Transnational Families // *Global Networks*. 2005. Vol. 5, issue 4. P. 317–336.
46. Petrozziello A.J. Feminized migration flows // *Gender & Development*. 2011. Vol. 19. № 1. P. 53–67.
47. Piperno F., Montefusco C., Celmi C. *Migration and Development between Italy and Ukraine: The road to decentralized co-operation*. Rome: Intentional Organization for Migration, 2011.
48. Puzenat A. *Conversions à l'islam. Unions et séparations*. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2015. 262 pp.
49. Quagliariello Ch. **Searching for Legality: Asymmetrical bodily opportunities** // TL-network Working Paper Series. № 4. Lisbon, 2013.
50. Saxonberg S. *Gendering Family Policies in Post-Communist Europe. A Historical-Institutional Analysis*. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2014.
51. Semióshina V. Why some Russian women embraced Islam // *Russia Beyond the Headlines*. [Electronic resource] URL: http://rbth.com/politics_and_society/society/2016/01/26/why-some-russian-women-embraced-islam_562247 (дата обращения: 26.01.2016).

52. *Sollund R.A.* Chapter 5. The Essence of Food and Gender and the Embodiment of Migration // *Advances in Ecopolitics. Transnational Migration, Gender and Rights*. Vol. 10 / Ed. R.A. Sollund. Emerald Group Publishing Limited, 2012. P. 77–98.

53. *Sultán Sjöqvist M.* Women's Conversions to Islam: Equality and Obedience // *NIKK magasin*. 2007. № 2. P. 24–26.

54. *Tai P.F.* Gender matters in social polarisation: comparing Singapore, Hong Kong and Taipei // *Urban Studies*. 2013. Vol. 50, issue 6. P. 1148–1164.

55. *Tastsoglou E., Hadjiconstanti J.* Never Outside the Labour Market, but Always Outsiders: Female Migrant Workers in Greece // *The Greek Review of Social Research*. 2003. № 110. P. 189–220.

56. *Théry I.* Transformation de la famille et «solidarités familiales»: Question sur un concept // *Repenser la solidarité* / Dir. S. Paugam. Paris: PUF, 2007. P. 149–186.

57. *Tolstokorova A.* Labour Migration as a Mechanism of Social Exclusion: Case Study of Ukrainian Youth, In: Some still more equal than others? Or equal opportunities for all? / Ed. S.M. Değirmencioglu. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2011. P. 101–112.

58. *Tolstokorova A.* Of Women's Bondage: Socio-Economic Effects of Labour Migration on the Situation of Ukrainian Women and Family // *Acta Universitatis Sapientiae. Social Analysis*. 2012. Vol. 2. № 1. P. 9–29.

59. *Tolstokorova A.* Women as Agents of Knowledge Transfer: The Role of Academic Migration to West-European Universities in the Formation of Ukrainian Female Intellectual Elites (late 19th – early 20th centuries) // *Universities and Elite Formation in Central, Eastern and South Eastern Europe* / Eds. F. Bieber, H. Heppner. Zurich, Munster, Vienna: LIT-Verlag, 2015. P. 61–76.

60. *UN.* 2004 World Survey on the Role of Women in Development. Women and International Migration. New York: United Nations Organization, 2006.

61. *UN-INSTRAW.* Gender, Remittances and Development: The case of women migrants from Vicente Noble, Dominican Republic. Santo Domingo, 2006.

62. *Van Nieuwkerk K.* (Ed.) Women Embracing Islam: Gender and Conversion in the West. Austin: University of Texas Press, 2006. P. 293–296.

63. *Wall G., Arnold S.* How Involved Is Involved Fathering? An Exploration of the Contemporary Culture of Fatherhood // *Gender in Society*. 2007. № 21. P. 508–527.

64. *World Bank.* Migration and Remittances: Eastern Europe and the former Soviet Union / Eds. A. Mansoor, B. Quillin. The World Bank, Europe and Central Asia region, 2006. 213 pp.

SOCIAL ANTHROPOLOGY

Alissa TOLSTOKOROVA

DSc in Philology, Associate Professor, Research expert.
International Independent Analytical Centre.
03067, Kyiv, Ukraine;
e-mail: alicetol@yahoo.com

BLESSING OR BURDEN? PARADOXES AND TRAPS OF FEMALE SPATIAL EMANCIPATION

The object of the study is the historical process of spatial emancipation of women, Ukrainian women in particular. This process is understood as the widening of the socio-spatial context of women's existence throughout their relocation from the private to public spheres as an imperative of industrialization and is seen as aimed at the achievement by women of spatial freedom and the right to autonomous geographic mobility in the second half of the 19-th – early 20-th centuries.

On the grounds of the data of two stages of spatial emancipation of women, singled out in the author's earlier works, the paper analyses socio-historical paradoxes and gendered traps resultant from this process. They consist in the transformation of socio-cultural benefits provided by female spatial emancipation at the first stage of this process, into the burden of excessive obligations, dependencies and limitations of post-soviet Ukrainian migrant women. Thus, the research showed that at the first stage of spatial emancipation, i.e. in the second half of the 19-th – early 20-th centuries, a great significance for Ukrainian womanhood had academic migration to West-European Universities, which triggered the modernization of women's spatial practices. In turn, this process facilitated the transformations of bodily and physical image of females as well as gendered evolution of their self-identity. As a result, a figure of a «new woman» has emerged, the one who rejected «home as a woman's place». Yet, the realities of the capitalist stage of human development have transformed the acquisition by women of the freedom of movement in the public sphere from a decided benefit into new forms of dependencies: exploitation and over-exploitation at the working

place, inequality in the remuneration for work, women's «double burden» and even «triple burden» for rural women, with respective negative effects on their health, devaluation of «women's work», constraints in making career and in juggling work and family life, feminization of poverty and homelessness, etc. That is, spatial emancipation of women became, for one, the tool for the maximum widening of their existential space, which today became global in scope, but for the other, it turned into a gendered trap for women insofar as it transformed into a tool of their exploitation and multidimensional discrimination, thus reinventing itself from a blessing into a burden, from emancipation into «pseudo emancipation».

The paper identifies the following paradoxes of the historical process of spatial emancipation of Ukrainian women: 1) triple loss as a way to «triple win»; 2) «home» as work and work as «home»; 3) social exclusion in the heart of a foreign family; 4) growth of social status as a result of downshifting; 5) paradoxes of «globalization of motherhood»; 6) strengthening of one myth as a result of contesting the other; 7) negative gender saldo of migration for women; 8) double burden instead of gender equality; 9) pressures of spatial freedom as a way to hijab.

As a conclusion, the author contends that the causality behind the gendered paradoxes and traps of female spatial emancipation lies in the nature of capitalism which regards a human being not as an individual and a personality in his/her own right, who performs sacral and metaphysical functions, but as no more than a tool of enrichment and of achieving selfish interests by the exploitative class of capitalists.

Keywords: society, gender, women's spatial emancipation, migration, self-identity, gender trap, emancipation, mobility, private space, social status, values

References

1. Abadan-Unat, N. "Implications of Migration on Emancipation and Pseudo-Emancipation of Turkish Women", *International Migration Review*, 1997, Vol. 11, No. 3, pp. 31–57.
2. Azhgikhina, N. "Uroki Ariadny Tyrkovoï" [Lessons of Ariadna Tyrkova], *Altapress* [<http://altapress.ru/story/806022>, accessed on 18.02.2017]. (In Russian)
3. Delyagin, M. "Chego my ne znaem?" [What do we not know], *Svobodnaya mysl'*, 2015, No. 1, pp. 37–50. (In Russian)
4. Fargues, Ph., Di Bartolomeo A. "Drowned Europe", *Migration Policy Centre*, 2015 [http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/35557/MPC_2015_05_PB.pdf?sequence=1, accessed on 18.12.2016].
5. Fursov, A. "Pochemu pobedil Tramp i chto eto znachit dlya Rossii" [Why did Trump win and what it means for Russia], *Telekanal «Tsar'grad»*, 09.11.2016 [<http://tsargrad.tv/article/2016/11/09/andrej-fursov-pobeda-trampa-porazhenie-globalnyh-bankstero-v-s-bolshoj-finansovoj-dorogi>, accessed on 17.04.2017]. (In Russian)

6. Goldman, E. "The Tragedy of Woman's Emancipation", in: E. Goldman, *Anarchism and Other Essays*. London: Mother Earth Publishing Association, 1911, pp. 219–231.
7. Gregoriou, Z. "Gendering Migration and Integration Policy Frames: Female Migrant Domestic Workers as «precarious workers» and as «reconciliators»", *Integration of Female Migrant Domestic Workers: Strategies for Employment and Civic Participation*. Nicosia: University of Nicosia Press, MIGS, 2008, pp. 11–30.
8. Hays, Sh. *The Cultural Contradictions of Motherhood*. New Haven, CT: Yale University Press, 1996. 288 pp.
9. Hondagneu-Sotelo, P., Messner, M. "Gender Displays and Men's Power: the «New Man» and the Mexican Immigrant Man", *Theorizing Masculinities*, ed. by Th. Oak, H. Brod, M. Kaufman. California: Sage Publications, 2000, pp. 200–218.
10. ILO. *An information guide on preventing discrimination, exploitation and abuse of women migrant workers*. Geneva: International Labour Office, 2003.
11. IOM. *Crushed hopes: Underemployment and deskilling among skilled migrant women*. Geneva: International Organization for Migration, 2012.
12. Khotkina, Z. "Zhenshchiny i krizis – nevidimaya problema" [Women and the crisis are an invisible problem], *Rabkor* [<http://www.rabkor.ru/debate/4735.html>, accessed on 18.01.2010]. (In Russian)
13. Krymskii, S. "K filosofii sem'i" [To the philosophy of the family], *Sem'ya v postateisticheskikh obshchestvakh* [Family in post-italic societies], ed. by K. Sigov. Kiev: Dukh i litera, 2002, pp. 94–97. (In Russian)
14. Larson, N. Mediterranean migrant deaths soar 'exponentially': IOM, *UNHCR. The UN Refugee Agency*, 21.04.2015 [<http://www.unhcr.org/cgi-bin/texis/vtx/refdaily?pass=52fc6fbd5&id=553731b85>, accessed on 30.03.2016].
15. Lenoël, A. "The «three ages» of left-behind Moroccan wives: Status, decision-making power, and access to resources", *Population, Space and Place*, 2017, Vol. 23, No. 5. [<http://onlinelibrary.wiley.com/wol1/doi/10.1002/psp.20777/full>, accessed on 24.03.2017].
16. Levendal', L., Rastvortsev, D. "Vas mnogo, ya odin" [You are many, I am alone], *Esquire*, [<http://esquire.ru/polygamy-112?rambler=1>, accessed on 21.07.2015]. (In Russian)
17. Lük, D. "Research note: job mobilities and family lives in Europe", *Cosmobilities Newsletter*, 2009, Vol. 4, No. 1, pp. 2–13.
18. Maher, J.M. "Reproduction and care", *The Globalization of Motherhood: Deconstructions and reconstructions of biology and care*, ed. by W. Chavkin, J.M. Maher. Abington, New York: Routledge, 2010, pp. 16–30.
19. Mahler, S. "Transnational Relationships: The Struggle to Communicate Across Borders", *Identities*, 2001, Vol. 7, No. 4, pp. 583–619.
20. Maiboroda, N. "Nezavisimost' pod prikrytiem" [Independence under cover], *Vokrug sveta*, 2017, No. 3 (2918), pp. 29–37. (In Russian)
21. Markuze, G. *Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyi chelovek: Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva* [Eros and civilization. One-Dimensional Man: A Study of the Ideology of a Developed Industrial Society]. Moscow: ACT Publ., 2002. 526 pp. (In Russian)
22. McGinty, A.M. *Becoming Muslim: Western Women's Conversions to Islam*. New York: Palgrave Macmillan, 2006.
23. Morokvasic, M. "Migration, Gender, Empowerment", *Gender Orders Unbound. Globalisation, Restructuring and Reciprocity*, ed. by I. Lenz, Ch. Ullrich, B. Fersch. Opladen, Farmington Hills: Barbara Budrich Publishers, 2007, pp. 69–97.

24. Mossiere, G. "The intimate and the stranger: Approaching the «Muslim question» through the eyes of female converts to Islam", *Critical Research on Religion*, 2016, Vol. 4, No. 1, pp. 90–108.

25. *Nauchnye osnovy strategii preodoleniya tsivilizatsionnogo krizisa i vykhoda na traektoriyu global'nogo ustoichivogo razvitiya: Doklad mezhdunarodnogo kolektiva uchenykh k Sammitu «Gruppy 20»* [Scientific foundations of the strategy for overcoming the civilizational crisis and entering the trajectory of global sustainable development: The report of the international team of scientists for the G20 Summit], ed. by Yu. Yakovets. Moscow: MISK Publ., 2013. 208 pp. (In Russian)

26. Nazaretyan, A.P. *Nelineinoe budushchee. Megaistoriya, sinergetika, kul'turnaya antropologiya i psikhologiya v global'nom prognozirovanii* [Nonlinear future. Mega-history, synergetics, cultural anthropology and psychology in global forecasting]. Moscow: Argamak-media Publ., 2013, pp. 367–369. (In Russian)

27. Olimova, S. "Tadzhikistan: rol' i status zhenshchin v domokhozyaistvakh migrantov" [Tajikistan: the role and status of women in migrant households], *Diaspory*, 2012, No. 2, pp. 86–123. (In Russian)

28. Parreñas, R.S. "Long Distance Intimacy: Class, Gender and Intergenerational Relations Between Mothers and Children in Filipino Transnational Families", *Global Networks*, 2005, Vol. 5, No. 4, pp. 317–336.

29. Parreñas, R.S. *Children of Global Migration: Transnational Families and Gendered Woes*. Stanford: Stanford University Press, 2005. 224 pp.

30. Parreñas, R.S. *Servants of Globalization: Women, Migration, and Domestic Work*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2001.

31. Perotto, M. "Migranty iz postsovetskikh stran v Italii (rezul'taty empiricheskogo sotsiolingvisticheskogo issledovaniya)" [Migrants from post-Soviet countries in Italy (results of empirical sociolinguistic research)], *Diaspory*, 2010, No. 1, pp. 83–100. (In Russian)

32. Petrozziello, A.J. "Feminized migration flows", *Gender & Development*, 2011, Vol. 19, No. 1, pp. 53–67.

33. Piperno, F., Montefusco, C., Celmi, C. *Migration and Development between Italy and Ukraine: The road to decentralized co-operation*. Rome: Intentional Organization for Migration, 2011.

34. Ponomareva, O. "Novitni formy ukrains'koï zhertovnosti" [New forms of Ukrainian sacrifice], *Ukrains'ke slovo*, [<http://ukrslovo.org.ua/ukrayina/suspilstvo/novitni-formy-ukrayinskoyi-zhertovnosti.html>, accessed on 23.12.2011]. (In Ukrainian)

35. "Prezentatsiya knig Andriya Fursova, Eleny Ponomarevoi i Dmitriya Peretolchina" [Presentation of books by Andrei Fursov, Elena Ponomareva and Dmitry Peretolchin], *Biblio Globus* [<https://www.youtube.com/watch?v=8ShNHV5HnRw>, accessed on 13.06.2015]. (In Russian)

36. Puzenat, A. *Conversions à l'islam. Unions et séparations*. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2015. 262 pp.

37. Quagliariello, Ch. "Searching for Legality: Asymmetrical bodily opportunities", *TL-network Working Paper Series*, No. 4. Lisbon, 2013.

38. Raikh, B. "Lovushka, v kotoroi okazalsya chelovek" [A trap in which a man appeared], trans. by V. Kulagina-Yartseva, *Filosofskaya antropologiya*, 2016, Vol. 2, No. 2, pp. 114–132. (In Russian)

39. Saxonberg, S. *Gendering Family Policies in Post-Communist Europe. A Historical-Institutional Analysis*. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2014.

40. Semióshina, V. “Why some Russian women embraced Islam”, *Russia Beyond the Headlines*, [http://rbth.com/politics_and_society/society/2016/01/26/why-some-russian-women-embraced-islam_562247, accessed on 26.01.2016].

41. Shul’ga, N., Shul’ga, M. *Dreifna obochinu: Dvadsat’ let obshchestvennykh izmenenii v Ukraine* [Drift to the edge: Twenty years of social changes in the Ukraine]. Kiev: Drukarnya Biznespoligraf Publ., 2011. 448 pp. (In Russian)

42. Sollund, R.A. Chapter 5. “The Essence of Food and Gender and the Embodiment of Migration”, *Advances in Ecopolitics. Transnational Migration, Gender and Rights*, Vol. 10, ed. by R.A. Sollund. Emerald Group Publishing Limited, 2012, pp. 77–98.

43. Sultán Sjöqvist, M. “Women’s Conversions to Islam: Equality and Obedience”, *NIKK magasin*, 2007, No. 2, pp. 24–26.

44. Tai, P.F. “Gender matters in social polarisation: comparing Singapore, Hong Kong and Taipei”, *Urban Studies*, 2013, Vol. 50, No. 6, pp. 1148–1164.

45. Tastsoglou, E., Hadjiconstanti, J. “Never Outside the Labour Market, but Always Outsiders: Female Migrant Workers in Greece”, *The Greek Review of Social Research*, 2003, No. 110, pp. 189–220.

46. Théry, I. “Transformation de la famille et «solidarités familiales»: Question sur un concept”, *Repenser la solidarité*, by Dir. S. Paugam. Paris: PUF, 2007, pp. 149–186.

47. Tolstokorova, A. “Luchi sveta v temnom tsarstve»: sotsial’nye dividendy migrantov v gendernoi perspective” [Rays of Light in a Dark Realm”: Social Dividends of Migrants in a Gender Perspective], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2013, No. 5, pp. 140–153. (In Russian)

48. Tolstokorova, A. “Na grani mirov: vklad ukrainskikh obrazovannykh zhenshchin v obmen znanii mezhdru Zapadnoi i Vostochnoi Evropoi” [At the edge of the world: the contribution of Ukrainian educated women to the exchange of knowledge between Western and Eastern Europe], *Metamorfozy istorii*, 2014, No. 5, pp. 97–110. (In Russian)

49. Tolstokorova, A. “Of Women’s Bondage: Socio-Economic Effects of Labour Migration on the Situation of Ukrainian Women and Family”, *Acta Universitatis Sapientiae. Social Analysis*, 2012, Vol. 2, No. 1, pp. 9–29.

50. Tolstokorova, A. “Prostranstvennaya emansipatsiya ukrainskikh zhenshchin kak sposob osvoeniya publichnogo prostranstva” [Spatial emancipation of Ukrainian women as a way of developing a public space], *Kul’tura i iskusstvo*, 2012, No. 5 (11), pp. 46–58. (In Russian)

51. Tolstokorova, A. “Ukrainskaya transnatsional’naya sem’ya kak modernizirovannaya model’ semeinykh otnoshenii: panatseya, yad ili platsebo?” [Ukrainian transnational family as a modernized model of family relations: panacea, poison or placebo?], *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2013, No. 2, pp. 43–64. (In Russian)

52. Tolstokorova, A. “Ukrainskie «zolytye rybki»: strategii soprotivleniya neravenstvu i dominirovaniyu vo vzaimootnosheniyakh migrantok-domrabortnits i ikh rabotodatelei” [Ukrainian “golden fishes”: strategies of resistance to inequality and domination in the relations between migrant workers and their employers], *INTER: interaktsiya, interv’yu, interpretatsiya*, 2016, No. 11, pp. 44–60. (In Russian)

53. Tolstokorova, A. “Women as Agents of Knowledge Transfer: The Role of Academic Migration to West-European Universities in the Formation of Ukrainian Female Intellectual Elites (late 19th – early 20th centuries)”, *Universities and Elite Formation in Central, Eastern and South Eastern Europe*, ed. by F. Bieber, H. Heppner. Zurich, Munster, Vienna: LIT-Verlag, 2015, pp. 61–76.

54. Tolstokorova, A. *Labour Migration as a Mechanism of Social Exclusion: Case Study of Ukrainian Youth*, In: *Some still more equal than others? Or equal opportunities for all?*, ed. by S.M. Değirmencioglu. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2011, pp. 101–112.

55. Tolstokorova, A. *Ot privatnogo k publichnomu: zhenskaya prostranstvennaya emansipatsiya v kul'ture i literature epokhi moderna (konets XIX – nachalo XX vekov)* [From private to public: female spatial emancipation in the culture and literature of the modern era (the end of the XIX – the beginning of the XX centuries)]. Saarbrücken: Lambert Academic Publisher RU Publ., 2016. 128 pp. (In Russian)

56. Tolstokorova, A. “Unesennye ветром. Postsovetskoe pokolenie ukrainskikh zhenshchin-migrantok” [Blown away by the wind. Post-Soviet generation of Ukrainian women migrants], *Labirint*, 2013, No. 2, pp. 28–44. (In Russian)

57. Tyrkova-Vil'yams, A. *Na putyakh k svobode* [On the way to freedom]. London: Overseas Publications Interchange Publ., 1990, pp. 388–415. (In Russian)

58. Tyuryukanova, E.V., Karachurina, L.B., Florinskaya, Yu.F. *Zhenshchiny-migranty iz stran SNG v Rossii* [Women migrants from the CIS countries in Russia], ed. by E.V. Tyuryukanova. Moscow: Maks Press Publ., 2011. 119 pp. (In Russian)

59. UN. *2004 World Survey on the Role of Women in Development. Women and International Migration*. New York: United Nations Organization, 2006.

60. UN-INSTRAW. *Gender, Remittances and Development: The case of women migrants from Vicente Noble, Dominican Republic*. Santo Domingo, 2006.

61. Van Nieuwkerk K. *Women Embracing Islam: Gender and Conversion in the West*. Austin: University of Texas Press, 2006, pp. 293–296.

62. Wall, G., Arnold, S. “How Involved Is Involved Fathering?: An Exploration of the Contemporary Culture of Fatherhood”, *Gender in Society*, 2007, No. 21, pp. 508–527.

63. *World Bank. Migration and Remittances: Eastern Europe and the former Soviet Union*, ed. by A. Mansoor, B. Quillin. The World Bank, Europe and Central Asia region, 2006. 213 pp.

64. Zurabishvili, T. “Psikhologicheskaya tsena migratsii zhenshchin iz gruzinskogo poselka Daba Tianeti” [Psychological price of migration of women from the Georgian settlement of Daba Tianeti], *Diaspory*, 2012, No. 2, pp. 6–24. (In Russian)